

Говард Филлипс Лавкрафт

Клиффорд Мартин Эдди-младший

Глухой, немой и слепой

(Deaf, Dumb, and Blind)

Немного позже полудня, 28 июня 1924 года, доктор Морхаус остановил свою машину перед поместьем Таннера, и из нее вышло четыре человека. Красивое, идеально ухоженное каменное здание, стояло возле дороги, и если бы не располагавшееся позади болото, при взгляде на него не возникало бы никаких мрачных ощущений. За аккуратной лужайкой, на некотором расстоянии от дороги, была видна чистая, без единого пятнышка, парадная дверь; и когда сопровождавшая доктора группа подошла ближе, обнаружилось, что тяжелые ворота широко распахнуты. Была закрыта только внутренняя дверь. Близость дома вызвала у четырех мужчин гнетущее нервное молчание, ибо можно было лишь догадываться о том, какой таинственный ужас скрывается внутри. Однако этот страх заметно приуменьшился, когда они отчетливо услышали звук печатной машинки Ричарда Блейка.

Чуть менее часа назад из этого дома с криком выскочил человек без шляпы и плаща; стремительно пробежав около мили, он рухнул навзничь на пороге ближайшей соседней усадьбы, неразборчиво бормоча что-то вроде «дом», «тьма», «болото» и «комната». Доктор Морхаус не нуждался в дополнительных доводах, чтобы немедленно предпринять действия, когда выяснил, что это жалкое обезумевшее существо пулей вылетело из старого поместья Таннера, стоявшего на краю болота.

Он давно предчувствовал, что произойдет нечто ужасное, когда двое человек сняли проклятый каменный дом: тот, кто только что примчался оттуда, и его хозяин, друг доктора – гениальный поэт Ричард Блейк из Бостона. Несколькими годами ранее Блейк отправился на войну, будучи идеально здоров, а вернулся тем, кем стал теперь – все еще добродушный и жизнерадостный, несмотря на частичный паралич, и все еще с легкостью путешествующий среди пейзажей и звуков своей бурной фантазии, несмотря на то, что оказался навсегда отрезан от материального мира по причине глухоты, немoty и слепоты!

Блейк наслаждался жуткими традициями и пугающими тайнами, витающими вокруг дома и его прежних обитателей. Такое странное увлечение было следствием того, что его физическое состояние не могло приносить ему никаких радостей. Он смеялся над предсказаниями суеверных личностей. Сейчас, когда его единственный компаньон впал в безумный экстаз панического страха, а сам он остался беспомощным перед тем, что вызвало этот ужас, у Блейка больше не было причин для блаженства и улыбок! Таковы были размышления доктора Морхауса, когда он, после осмотра беглеца, обратился с просьбой к озадаченным жителям местных коттеджей помочь ему разобраться в этом деле. Морхаус происходил из старой фенхэмской семьи, а дед доктора был среди тех, кто в

1819 году похоронил жившего в отшельничестве Симеона Таннера. Даже по прошествии стольких лет многие невежественные селяне испытывали подсознательную тревогу, вспоминая о некоторых, казалось бы, пустяковых, мелких особенностях тела старого Таннера. Эта тревога была, по мнению доктора, глупой, поскольку незначительные костные наросты в передней части черепа вовсе не необычны и часто встречаются у лысых людей.

Четверо мужчин, пристально рассматривавшие этот мрачный дом, невольно ощутили смутный страх при воспоминании о в высшей степени подозрительных легендах и каких-то обрывочных туманных слухах, которые распускали деревенские старухи – легендах и байках, редко повторявшихся и почти никогда не соответствовавших друг другу. Эти истории стали распространяться с 1692 года, когда один из Таннеров канул в неизвестность в районе Гэллоуз-Хилл после салемского процесса ведьм; но они не были особенно устойчивыми до тех пор, пока в 1747 году не был построен этот дом (правда, часть здания была пристроена недавно). Несмотря на многочисленность этих баек, повествующих о странном образе жизни всех Таннеров, самые страшные легенды касались старого Симеона, которого люди панически боялись. К нему перешло по наследству нечто ужасное – то, о чем в деревне осмеливались говорить лишь шепотом, особенно о комнате с заколоченным окном на восточной стене, обращенной к болоту. Дверь этой комнаты, смежной с библиотекой, имела двойную толщину и крепкие запоры. Одной кошмарной ночью 1819 года, когда из печной трубы дома пошел мерзкий зловонный дым, люди разбили дверь топорами и обнаружили тело Симеона Таннера с чудовищным выражением на лице. Именно из-за этого выражения – а вовсе не из-за двух костных наростов чуть ниже густой седой шевелюры – было решено как можно скорее сжечь тело, книги и манускрипты, находившиеся в комнате. Люди постарались забыть короткую дорогу к поместью Таннеров, пока не произошли еще более значительные события.

Когда доктор, как глава группы, открыл внутреннюю дверь и вошел в холл с аркообразной крышей, звук печатной машинки внезапно прекратился. В этот момент двум человекам показалось, что они почувствовали слабое дуновение холодного воздуха, странно контрастировавшего с дневной жарой, хотя позже они отказались подтвердить это ощущение. Холл был в идеальном порядке, также как и другие комнаты, которые они обошли в поисках Блейка. Поэт отделал свое жилище в изысканном колониальном стиле; и, несмотря на то, что располагал помощью лишь одного слуги, он явно преуспел в создании приятной комфортной обстановки.

Доктор Морхаус со своими спутниками заглянул во множество комнат через широко открытые двери и сводчатые проходы, и, наконец, нашел библиотеку (которая одновременно служила рабочим кабинетом) – великолепное помещение на первом этаже в южном крыле дома, заполненное книгами, которые слуга снабдил своеобразным каталогом, предназначенным для ощупывания. Среди них выделялись громоздкие тома, напечатанные шрифтом Брайля, которые поэт читал посредством своих чувствительных пальцев. Ричард Блейк, конечно, был именно здесь, сидя, как обычно, за печатной машинкой перед беспорядочно разбросанной грудой только что напечатанных страниц. Один лист по-прежнему торчал в машинке. Казалось, он внезапно прекратил работу, возможно, из-за холода, который заставил его по самую шею закутаться в домашний

халат. Его голова была обращена к двери ярко освещенной соседней комнаты в манере, характерной для тех, чья ущербность в зрении и слухе нарушила связь с внешним миром.

Подойдя ближе, доктор Морхаус смог увидеть лицо писателя, после чего резко побледнел и крикнул остальным, чтобы они оставались на месте. Ему потребовалось какое-то время побыть одному, чтобы рассеять любую возможность иллюзии. Теперь стало ясно, почему тело старого Симеона Таннера было сожжено той холодной зимней ночью – в выражении его лица было нечто, поддающееся пониманию лишь высокого интеллекта. Покойный Ричард Блейк, печатная машинка которого прекратила свое сухое щелканье, как только в дом вошли люди, несмотря на слепоту, увидел что-то и был поражен этим. В его взгляде не было ничего человеческого – в больших голубых, налитых кровью глазах, закрывшихся для мира шесть лет назад, застыл какой-то отвратительный образ. Эти глаза в экстазе неопишемого ужаса уставились в дверной проем, ведущий в комнату, где солнечные лучи играли на стенах, проникая сквозь некогда заколоченное окно. У доктора закружилась голова, когда он увидел, что из-за слепящего дневного света черные зрачки этих глаз расширились, словно глаза кошки в темноте.

Доктор закрыл эти огромные слепые глаза, прежде чем позволил другим увидеть лицо мертвеца. Он со скрупулезной тщательностью проверил безжизненное тело, используя весь свой инструментарий, несмотря на возбужденность его нервов и легкое дрожание рук. Время от времени он сообщал окружившей его тройке крайне заинтересованных людей некоторые результаты своего исследования; другие результаты он скрывал, полагая, что они будут непонятны им и вызовут излишнюю тревогу. От спутников доктора не исходило ни слова, кроме высказанного одним из них невнятного замечания по поводу взъерошенных волос мертвеца и хаотического расположения разбросанных листов бумаги. Это было похоже на то, как будто через открытую дверь в лицо Блейку подул сильный ветер; тем более что, несмотря на открытое для теплого июньского воздуха окно, в помещении постоянно чувствовался легкий сквозняк.

Когда один из людей принялся подбирать листы новой рукописи, лежавших на полу и столе, доктор Морхаус остановил его предостерегающим жестом. Он уже видел лист, оставшийся в машинке, и после прочтения пары предложений, заставивших его побледнеть, немедленно спрятал. Ему пришлось самостоятельно собрать разбросанные листы и, беспорядочно скомкав, запихнуть во внутренний карман. Но больше всего его ужаснуло не столько то, что он прочел, сколько то, что заметил сейчас – едва различимую разницу в весе и плотности листов, которые он подобрал с пола, и листа, вынутого из печатной машинки. Доктор не мог отделить это странное впечатление от прочих мрачных обстоятельств, которые он столь тщательно скрывал от своих спутников, слышавших звук стучавших клавиш менее десяти минут назад – обстоятельств, которые он не смог осмыслить до тех пор, пока не оказался в одиночестве в спасительной глубине своего кресла. Он изо всех сил старался сдерживать страх – ведь за тридцать лет медицинской практики он никогда не проводил обследования, результаты которого ему хотелось бы удержать в тайне. Дело в том, что, когда доктор изучал тело этого слепого человека, он понял, что смерть наступила, по меньшей мере, час назад.

Доктор Морхаус лично закрыл внешнюю дверь и возглавил группу при обходе каждого угла старого строения с целью поиска любых следов, которые могли бы пролить свет на

трагедию. Однако поиск ничего не дал. Он знал, что все потайные ходы в доме Симеона Таннера были уничтожены после того, как сожжения тела и книг этого затворника, а спустя тридцать пять лет были обнаружены и засыпаны подвал и извилистый туннель, ведущий к болоту. Теперь он видел, что на их месте не появилось ничего необычного и подозрительного, и все здание демонстрирует совершенный порядок современной реконструкции и изящной отделки.

Позвонив по телефону шерифу и окружному коронеру в Фенхэм, он стал ожидать их прибытия. Впрочем, доктор Морхаус понимал тщетность и бесполезность официальных лиц и с кривой усмешкой вскоре покинул их, отправившись в дом фермера, где нашел приют тот самый человек, что бежал из поместья Таннеров.

Оказалось, что несчастный чрезвычайно ослаб, но находится в сознании и уже более или менее успокоился. Пообещав шерифу разузнать и передать всю возможную информацию от бедолаги, доктор Морхаус приступил к осторожным деликатным расспросам. Его целью было преодолеть возникший в памяти беглеца барьер, который и был благоприятной причиной того, что он несколько пришел в себя. Беглец смог рассказать только то, что находился в библиотеке со своим хозяином. Ему показалось, что в соседней комнате внезапно сгустилась тьма – в комнате, где более ста лет назад солнечный свет вытеснил сумрак после того, как было разбито заколоченное окно. Это воспоминание, в котором он на самом деле сомневался, крайне встревожило напряженные нервы пациента. Масла в огонь подлило то, что доктор с максимальной тактичностью сообщил ему о смерти хозяина, хотя Морхаус объяснил это естественной причиной – а именно болезнью сердца, возникшей во время ужасной войны. Слуга глубоко опечалился, поскольку был искренне предан искалеченному поэту; однако он обещал, что соберется с силами, чтобы перевезти тело в Бостон после окончания необходимых медицинских процедур по освидетельствованию трупа.

Доктор, удовлетворив, насколько это было возможно, любопытство хозяев дома, в котором находился, наказал им оберегать пациента и ни в коем случае не пускать его в поместье Таннеров, пока не будет доставлено тело Блейка. Затем он поехал домой, ощущая нарастающее волнение. Наконец, он был свободен для того, чтобы прочитать рукопись, напечатанную мертвецом, и, наконец, выяснить, какая чертовщина вызвала смятение чувств и столь ужасным образом проникла в утонченный разум, существовавший в полной тишине и темноте. Он знал, что это будет мрачное и необычное чтение, и не спешил начать его. Вместо этого он медленно поставил машину в гараж, переоделся в удобную домашнюю одежду и принял успокаивающие и укрепляющие средства, после чего устроился в большом кресле. Затем он, не торопясь, аккуратно разложил страницы рукописи по номерам, старательно избегая любых неосторожных взглядов на текст.

Теперь общеизвестно, что за рукопись попала к доктору Морхаусу. Ее не прочел бы никто, кроме него, если бы жена не взяла документ в руки, когда он отрешенно лежал в кресле, тяжело дыша и не реагируя на громкий стук, который, казалось, разбудил бы даже мумию фараона. Документ сам по себе ужасный, особенно ближе к концу, когда его стиль заметно изменился; однако нельзя не предположить, что хорошо осведомленный о народных легендах доктор ощутил какой-то особенный страх, к счастью, недоступный

прочим людям. В Фенхэме бытует мнение, что обширное знакомство доктора с историей, которую он услышал в юности от деда, и байками, передаваемыми стариками, обусловило его более глубокие знания, в свете которых загадочная хроника Ричарда Блейка приобрела новое, поразительное значение, почти невыносимое для нормального человеческого разума. Этим объясняются его медлительность во время поисков тем июньским вечером, неохотно данное жене и сыну разрешение прочесть рукопись, настойчивое намерение вопреки их просьбам сжечь этот мрачный документ, а также особая поспешность, с которой он выкупил собственность Таннеров, взорвал его с помощью динамита и вырубил деревья возле болота на большом расстоянии от дороги. В настоящее время он придерживается твердого молчания по этому вопросу, и очевидно, что с ним умрет знание, без которого, впрочем, миру лучше обойтись.

Рукопись, прилагаемая ниже, была скопирована благодаря любезности мистера Флойда Морхауса, эсквайра, сына доктора. Некоторые пропуски, отмеченные звездочками, вызвали особый интерес публики; они являются следствием как графической неразборчивости, так и потери связности и однозначности текста в моменты, когда автор печатал его слишком быстро. В трех местах, где лакуны вполне могут быть объяснены согласно контексту, редакция попыталась исправить их. По поводу изменения стиля к концу рукописи будет уместно умолчать. Несомненно, причиной тому служит как содержание текста, так и физическое состояние его автора, вызвавшие потрясение сознания жертвы, чьи былые страдания бледнеют перед тем, с чем он столкнулся на сей раз. Смелые умы вольны дополнить это собственными гипотезами.

Итак, далее идет документ, написанный в проклятом доме человеком, отрезанным от видов и звуков мира – человеком, оставшимся в одиночестве и предоставленным на произвол силам, которых не мог видеть и слышать. Этот текст в корне противоречит всему, что мы знаем о Вселенной благодаря физике, химии и биологии; здравый смысл определит его как явный продукт помешательства, каким-то образом связанного с человеком, которого некогда сожгли в этом доме. Будет уместно принять во внимание это обстоятельство, равно как и то, сколь долго доктор Арло Морхаус хранил молчание.

РУКОПИСЬ

Смутные опасения, появившиеся у меня в последние четверть часа, теперь приобретают вполне определенные пугающие черты. Очевидно, что с Доббсом что-то случилось. Поначалу он не отреагировал на мой вызов. Когда он не ответил на повторный звонок, я решил, что, должно быть, испортился колокольчик, однако я так энергично колотил по столу, что, кажется, мог бы оживить обитателя царства Плутона. Сперва я подумал, что он ушел из дома и не закрыл дверь, поскольку ощущалось дуновение свежего воздуха – хотя полдень был жарким и душным. Но не в обычае Доббса было покидать дом надолго без того, чтобы убедиться в том, что мне ничего не нужно. Однако несколько минут назад произошло странное происшествие, укрепившее мое подозрение в том, что Доббс отсутствует в доме не по своей воле. Этот инцидент заставил меня изложить все мои впечатления и догадки на бумаге в надежде, что простой акт записывания поможет избавиться от зловещего предчувствия какой-то грядущей беды. Несмотря на мое упорное желание, мне никак не удастся освободить свое сознание от

легенд, связанных с этим старым особняком – жалких, страшных только для неразвитых людей, суеверий, о которых я бы и не подумал, если бы не исчезновение Доббса.

За то время, что я пребываю в изоляции от мира, я привык к тому, что Доббс стал моим шестым органом чувств. И вот теперь, в первый раз с тех пор, как я стал инвалидом, я осознал всю неприятность моей беспомощности. Именно Доббс компенсировал мои незрячие глаза, бесполезные уши, безмолвные уста и хромые ноги. На моем письменном столе стоит стакан воды. Без Доббса, когда он оказывается пуст, мое состояние подобно положению, в которое попал Тантал.

Немногие приходили в этот дом с тех пор, как мы поселились здесь – между словоохотливыми сельскими жителями и паралитиком, который не способен говорить, слышать и видеть их, мало общего; поэтому проходило помногу дней, прежде чем кто-нибудь заглядывал сюда. Один... только собственные мысли составляют мне компанию; тревожные мысли, которые никоим образом не успокаиваются из-за ощущений в последние несколько минут. Мне не нравятся эти ощущения, все более трансформирующие деревенские сплетни в фантастические образы, которые воздействуют на мои эмоции беспримерно удивительным способом.

Казалось, что прошло много часов с того момента, как я начал свою рукопись, но в действительности истекло лишь несколько минут, поскольку я только что вставил в машинку новый лист. Механическое действие по смене страниц, каким бы коротким оно ни было, позволило мне взять себя в руки. Возможно, мне удалось преодолеть чувство надвигающейся опасности, которое почти прошло.

Поначалу я ощущал вокруг себя лишь легкую дрожь, чем-то похожую на вибрацию в плохо выстроенных каменных домах, когда мимо проезжает тяжелый грузовик – но ведь это здание построено на славу. Может быть, я слишком чувствителен к таким вещам и позволил разыгаться воображению; но мне казалось, что колебание было более отчетливым прямо передо мной – где-то в стороне от дороги, возле болота, почти примыкающего к юго-восточному крылу особняка. Это могло быть иллюзией, но позже я убедился в верности своих ощущений. Я вспомнил о том, как ощущал дрожь почвы под ногами во время взрывов огромных снарядов, а также случаи, когда видел корабли, разлетающиеся, словно снопы сена, из-за бушующего тайфуна. Вскоре дом сотрясался подобно карликовому вулкану в грохочущем Нифльхейме. Каждая половица под моими ногами ходила ходуном и дрожала как агонизирующее существо. Печатная машинка вибрировала так, словно клавиши дребезжали от страха.

Спустя короткое мгновение этот шум прекратился. Стало тихо, как раньше. Даже слишком тихо! Казалось невозможным, что после такого сотрясения ситуация в доме в точности вернулась к прежнему состоянию. Но нет, не в точности – я четко осознавал, что с Доббсом что-то случилось! Именно это осознание вкупе с неестественной тишиной усиливало дурные предчувствия, прочно охватившие меня. Испытывал ли я страх? Да – хотя я пытался успокоить себя благоразумными доводами о том, что бояться нечего. Критики как превозносили, так и ругали мою поэзию из-за того, что они называли «пылким воображением». Я безропотно соглашался с ними, как и с теми, кто кричал «слишком пыльное». Нет ничего подозрительного в том, что... хотя...

Дым! Всего лишь слабый сернистый запах, но мои особо чувствительные ноздри безошибочно уловили его. Столь слабый, однако, что я не в силах определить, действительно ли он доносится из той комнаты, чье открытое окно выходит на болото. Но вскоре ощущение стало гораздо более ясным. Теперь я был уверен, что источник запаха находится не вне дома. Мимолетные образы прошлого, мрачные сцены былых дней вспыхнули передо мной подобно фотографиям. Пылающая фабрика... истерические крики смертельно напуганных женщин, зажатых сред стен огня; горящая школа... жалобные возгласы беспомощных детей, попавших в ловушку из-за разваливающихся лестниц... театр огня... безумный галдеж охваченных паникой людей, пытающихся освободиться из этажей, чей паркет уже покрылся жаркими пузырями; и над всем этим непроницаемые черные облака зловещего ядовитого дыма, отравившего мирное небо. Воздух в комнате пропитался тяжелыми, плотными удушающими волнами... в любой момент я ожидал, что почувствую горячие языки пламени, жадно лижущие мои недвижимые ноги... глаза пронзила острая боль... в ушах колотило... Я кашлял и чихал, пытаюсь выдохнуть из легких адские миазмы... дым, вызывающий ассоциации с ужасными катастрофами... едкий, зловонный, ядовитый дым распространялся по комнате вместе с усиливающимся запахом горячей плоти * * *

Еще раз я оказался один в этой необыкновенной тишине. Свежий ветер, обдувавший мои щеки, вскоре восстановил утраченное расположение духа. Очевидно, дом не может быть объят пожаром, поскольку все признаки вредоносного дыма напрочь исчезли. Я не мог уловить и следа его, хотя обладаю обонянием как у ищейки. Тогда я задался вопросом, не схожу ли с ума – что, если годы одиночества нарушили мой рассудок; но ведь произошедшее было слишком явным, чтобы просто отнести его к галлюцинации. Безумный или нет, я не мог понять причину этих вещей – но спустя некоторое время пришел к единственно логичному заключению. Этот вывод был способен расстроить спокойствие любого сознания. Согласиться с ним значило признать реальность суеверных слухов, которые Доббс приносил из деревни – бессмысленных рассказней, которые мой материалистический разум инстинктивно отвергал как полную чушь!

Как бы я хотел, чтобы прекратился грохот в ушах! Похоже на то, как если бы какие-то сумасшедшие призрачные игроки стали одновременно колотить во множество гудящих барабанов. Полагаю, это просто реакция на ощущение удушья, которое я только что пережил. Еще бы несколько глубоких глотков свежего воздуха...

Нечто – или некто находится в комнате! Я абсолютно уверен, что больше не один, поскольку доверяю безошибочности своих ощущений так же сильно, как зрячие доверяют своим глазам – даже сильнее, тысячекратно сильнее. Кто – или что – может быть здесь? Возможно, мои страхи беспочвенны, и это всего лишь вернулся Доббс. Нет... это не Доббс. Грохот в ушах прекратился, и мое внимание захватил тихий шепот... в возбужденном сознании бурей пронеслось осознание огромной значимости этого... я могу слышать!

Слышится не один шепчущий голос, а множество! * * * Отвратительное гудение взбесившихся мух... сатанинское жужжание похотливых пчел... свистящее шипение мерзких рептилий... тихое пение нечеловеческой капеллы! Они становятся громче... комната звенит от демонических рулад – нестройных, неприятных, гротескно

уродливых... дьявольский хор декламирует кощунственные литании... торжественные оды страданиям Мефистофеля сливаются с музыкой стонущих душ... чудовищное крещендо языческого пандемониума * * *

Голоса, окружающие меня, постепенно приближаются к моему стулу. Пение резко оборвалось, и невнятный шепот разрешился в консонанс членораздельных звуков. Я напряг слух, чтобы различить слова. Все ближе и ближе... Теперь они становятся разборчивыми – слишком разборчивыми! Лучше бы я навсегда остался глухим, чем был бы вынужден слушать их адские речи * * *

Гнусные откровения порочных Сатурналий * * * богохульные фантазии опустошительных празднеств * * * непристойные наслаждения оргий Кабирии * * * зловещие угрозы невообразимых наказаний * * *

Холодно. Холодно не по сезону! Словно по воле какодемонов, чье присутствие страшило меня, ветер, несколько минут назад бывший для меня столь приятным, теперь яростно свищет возле моих ушей – несущаяся с болота ледяная буря, от которой я замерз до костей.

Даже если Доббс намеренно оставил меня, я не виню его. Я никогда не принимал оправданий трусости и малодушия, но здесь есть некоторые вещи... * * * я лишь надеюсь, что он успел покинуть этот дом вовремя!

Мои последние сомнения улетучились. Теперь я вдвойне рад тому, что принял решение описать свои впечатления... не потому, что я ожидаю, что кто-то поймет это... или поверит этому... но это облегчает сводящее с ума напряженное пассивное ожидание новых проявлений психических аномалий. Сейчас я вижу, что существует только три действия, которые можно предпринять: сбежать из проклятого места и провести остаток лет в тщетных попытках забыть – но я не могу бежать; уступить силам столь чудовищным, что Тартар в сравнении с ними кажется райским альковом – но я не желаю уступать; умереть – и для меня гораздо предпочтительнее разорвать свое тело на куски, нежели погубить душу нечестивой торговлей с посланниками дьявола. * * *

Я вынужден ненадолго прерваться, так как мои пальцы устали. Комната охладилась подобно сырой древней могиле... меня охватило тихое оцепенение... я должен бороться с этой апатией; она нарушает мое намерение умереть раньше, чем я сдамся этим коварным бестиям... Я вновь поклялся сопротивляться до конца... конца, который, уверен, наступит скоро * * *

Ветер стал еще холоднее, чем прежде, хотя я и не предполагал, что это возможно... ветер, пропитанный зловонием мертвых тварей. * * * О, всемилостивейший Боже, верни мне зрение! * * * Этот студеный ветер обжигает, хотя должен был бы замораживать... он превращается в раскаленный сирокко. * * *

Невидимые фигуры вцепились в меня... призрачные пальцы, которым не достает физической силы оторвать меня от печатной машинки... холодные пальцы, которые втягивают меня в кошмарный водоворот греха... дьявольские пальцы, затаскивающие меня в бездонный колодец вечного зла... пальцы смерти, отнимающие у меня дыхание и сжимающие мои незрячие глаза так, что, кажется, те лопнут от боли * * * наконецники

ледяных пик выдавливают на моих висках твердые костные выступы, похожие на рога * *
* арктическое дыхание какого-то давно умершего существа целует мои воспаленные
губы и иссушает мою горящую глотку морозным пламенем * * *

Темно * * * но это не та темнота, что была частью слепоты * * * непроницаемая тьма
ночи, полной грехов * * * подобная черной дыре тьма Чистилища.

Я вижу * * * Господи, смилуйся надо мной! * * * Это конец * * *

* * * * *

Не в силах смертного сопротивляться могуществу, таящемуся за пределами
человеческого воображения. Не в силах бессмертного духа завоевать того, кто познал
бездны и сделал бессмертие скоротечным мгновением. Конец? Нет! Это лишь блаженное
начало...

Перевод: Борис Лисицин

2004 год